КОНКУРС МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Р.Ю.Червяков

Хроника «заднего двора»

Латинская Америка глазами советских карикатуристов периода холодной войны

Статья посвящена вопросу восприятия Латинской Америки советскими карикатуристами в конце 1970-х — середине 1980-х годов. Исполняя заказ власти, художники играли роль пропагандистов, транслируя конкретные идеологические установки широким народным массам. Так, на страницах наиболее влиятельного сатирического издания СССР — журнала «Крокодил» — публиковалось большое число материалов, связанных со злободневными событиями международной жизни. Латинская Америка сама по себе мало интересовала карикатуристов, однако им удалось создать ряд ярких и запоминающихся образов, не обладавших при этом национальной спецификой. Образы диктаторов (Аугусто Пиночета, Анастасио Сомосы, Хосе Наполеона Дуарте, Альфредо Стресснера) воспроизводят стереотипы 1930—1950-х годов, связанные с изображениями фашистских преступников, что не позволило сделать их актуальными. Вместе с тем карикатура демонстрирует смещение идеологических акцентов, переход от пропаганды национально-освободительных движений к принципам стабильности и борьбы за мир. Таким образом, советская идеология трансформировалась из наступательной в оборонительную.

Ключевые слова: Латинская Америка, карикатура, «Крокодил», сатира, идеологический кризис.

DOI: 10.31857/S0044748X0008394-2

Статья поступила в редакцию 12.12.2019.

События холодной войны справедливо принято рассматривать через призму противостояния двух сверхдержав — СССР и США. Противостояние шло по ряду направлений: экономика, вооруженные силы, наука и техника, идеология. Идеологическое противостояние включало в себя противостояние ценностей и мировоззрения, вокруг которых велась хоть и незримая, но весьма ожесточенная борьба. Взгляды советского человека на мир во многом формировались под воздействием идеологии, транслировавшейся через средства массовой информации — газеты и журналы,

Руслан Юнадиевич Червяков — студент 1 курса магистратуры исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (РФ, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, tcherviakov.ruslan@yandex.ru).

Статья заняла второе место в конкурсе молодых исследователей, прошедшем в рамках четвертого международного форума «Россия и Иберо-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», который состоялся в Санкт-Петербурге в октябре 2019 г.

радио и телевидение. Одним из атрибутов этого противостояния являлся образ «Другого», друга или врага, по которому можно судить о состоянии пропагандистского аппарата и идеологической работы. В этой связи важно обратить внимание на то, каким образом советская пропаганда изображала своих потенциальных союзников среди развивающихся стран, к которым относились и страны Латинской Америки. В исторической науке уже поставлен и активно разрабатывается вопрос об отношении латиноамериканской интеллигенции к СССР [1, 2, 3], тогда как рассмотрение отношения советской интеллигенции к странам Латинской Америки пока не стало предметом серьезной научной дискуссии.

С геополитической точки зрения, Латинская Америка представляла собой крайне неустойчивый для советского влияния регион, поскольку Соединенные Штаты, воспринимавшие его как свой задний двор, пресекали даже потенциальную возможность закрепления здесь СССР. Кубинская революция 1959 г. пробудила у советского руководства интерес к судьбам Латинской Америки, поскольку это событие удачно укладывалось в концепцию революционного содержания эпохи, выдвинутую на Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 г. [4]. Однако на рубеже 1970—1980-х годов становится очевидным снижение этого интереса. Произошедшие изменения фиксируют периодические издания, в том числе и сатирический журнал «Крокодил».

Журнал «Крокодил» являлся не просто сатирическим изданием. Будучи печатным органом ЦК КПСС, издававшимся в типографии «Правда», журнал активно осуждал врагов советского строя. При этом не стоит преувеличивать роль партии в формировании образа врага — она задавала основные направления, а творческая реализация (выбор тематики, создание рисунка, проработка деталей) ложилась на плечи художников. Они ориентировались на собственные представления о проблеме, от полноты которых и зависела острота рисунка. Так что можно сказать, что карикатура находилась на стыке идеологии и художественного замысла.

К началу 1970-х годов национально-освободительный пафос советской идеологии затухает, на смену ему приходит критика латиноамериканских режимов с позиции прав человека. При характеристике диктаторских режимов к ним применялись стандартные европейские лекала, не учитывавшие южноамериканскую политическую специфику. Характерным в данном случае является определение понятия «хунта».

В политическом дискурсе СССР слово «хунта» имело резко негативное значение, ставшее синонимом «фашизма» и «военной диктатуры» (такое определение дает, например, «Словарь русского языка» Сергея Ивановича Ожегова»); руководителей хунт называли «взводом бананово-кофейных сеньоров» и «карманными гитлерами Вашингтона» [5]. Изображение хунты в виде человека — большая редкость, отличительной чертой этого образа является зооморфность. Так, в серии зарисовок «Обречены на вымирание. В “Красную книгу” не заносить!» [6] хунта изображена в виде огромной гориллы в военном мундире с черепом и костями на погонах и кокарде фуражки. Физиономия животного не обещает ничего хорошего: изо рта торчит два массивных клыка, глаза скрыты под темными очками.

ОБРАЗ АУГУСТО ПИНОЧЕТА

Главным приемом пропаганды была персонификация врага. Наибольший интерес у художников вызывали диктаторы Чили, Сальвадора, Никарагуа и Парагвая [7]. Большой популярностью пользовался чилийский диктатор Аугусто Пиночет (1973—1990), имя которого в итоге стало синонимом тирана и сатрапа.

Художник чехословацкого журнала *Dikobraz*, для которого Пиночет являлся не более чем ярлыком, сделал главный акцент на ногах диктатора, в роли которых выступают здания казармы и тюрьмы, а от портретного сходства остаются только темные очки и усики [8]. Американскому художнику Антону Рефрежье, «чилийский цикл» которого опубликовали в «Крокодиле» в 1979 г. [9], удалось сохранить портретное сходство и, немного подкорректировав лицо генерала, сделать так, чтобы в его чертах начал проступать череп. В роли костей карикатурист изобразил перекрещенные плетку и дубину. Так получился своего рода «Веселый Роджер», символ пиратства и опасности. От всего облика диктатора веет холодным презрением, карикатура проникнута ненавистью к угнетателю чилийского народа. Такой яркий контраст между подходами двух художников показывает их отношение к объекту изображения: чехов и словаков, не интересующихся проблемами далеких стран, мало волновал образ Пиночета, в то время как американец А.Рефрежье демонстрировал неподдельный интерес к происходившему в Чили и сопереживал чилийцам.

Советские карикатуристы всегда изображали Пиночета в комическом и нелепом виде. На карикатуре «Референдум по-чилийски» [10] Пиночет, вылезающий из-за ширмы, опускает в избирательную урну вместо бюллетеня чилийца, держащего в руке плакат с надписью «против». Однако на подсчет голосов это никак не повлияет, поскольку в роли избирательной урны выступает тюрьма, крыша которой запечатана сургучовой печатью со свастикой. При всей своей агрессивности карикатурный образ тирана воспринимается в первую очередь как комический. Пиночет в изображении карикатуристов становится мультипликационным персонажем, напоминающим одного из героев мультсериала «Том и Джерри», но никак не страшнейшего деспота всех времен и народов. Акцент с ужасов диктатуры Пиночета переносился на комизм его личности.

ОБРАЗ АНАСТАСИО СОМОСЫ

Подобному клишированию подвергся и образ никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы (1936—1956). Однако его образ интересен по другой причине. Дело в том, что, несмотря на свою злободневность, по карикатурам «Крокодила» практически невозможно реконструировать какую-либо историческую линию. В этом плане история свержения и смерти диктатора Сомосы представляет приятное исключение.

В 1978 г. публикуется фельетон «Уголовная династия» [11], в котором рассказывается о причинах возвышения семьи Сомоса, создается своеобразный династический миф. Отец диктатора начинал как фальшивомонетчик и за свои проделки должен был бы оказаться в тюрьме, однако его спасли влиятельные родственники супруги, принадлежавшей к знатному роду. Благодаря выгодному браку Сомоса-старший вскоре дослужился до генерала, после интрижки с женой американского посла стал командующим Национальной гвардией, а через три года — президентом страны. Сомоса присягнул на верность США, оказывал всемерную поддержку «северному дядюшке в звездно-полосатом жилете», за что, по данным ряда мемуаристов, получил от президента США Франклина Делано Рузвельта (1933—1945) прозвище «наш сукин сын» [11]. Сомоса-старший был убит в результате покушения, после чего президентом стал его старший сын Луис. Он проявил себя так же, как и отец, но умер своей смертью, после чего власть перешла к Анастасио Сомосе-младшему, который продолжил политическую линию на союз с Соединенными Штатами. Автор фельетона отмечает, что младший Сомоса уже тяжело болен, поэтому планирует передать власть своему сыну Анастасио-третьему: «Представитель третьего поколения диктаторской династии полон честолюбивых помыслов. Но вряд ли им суждено сбыться. Ведь Никарагуа подобна пороховой бочке» [11]. Верой в успех революции проникнуты все карикатуры и фельетоны, касающиеся этой темы. И если на

первой карикатуре [12] Сомоса-младший изображается маленьким человечком, стоящим на двух штыках и докладывающим в Вашингтон об успехах в подавлении протестных выступлений, то уже на второй он скрывается от народного возмездия в бункере [13]. Поэтому его слова: «Я все еще на высоте положения» воспринимаются как насмешка над павшим тираном. Молчаливая поддержка действий Сомосы Соединенными Штатами Америки показана в карикатуре Владимира Георгиевича Мочалова [14]. Посол США просит закрыть окна, чтобы шум бомбардировок не мешал ему слушать выступление сенатора о нарушении прав человека в коммунистических странах. Бегство Сомосы из страны изображено в карикатуре Бориса Ефимовича Ефимова [15], где бывший никарагуанский диктатор встречается в небе с только что свергнутым иранским шахом. У обоих на спине красуются следы от огромного ботинка, давшего им пинок. Однако найти безопасное убежище Сомосе не удалось: в репортаже «Вехи и “успехи”» [16] говорится, что «бывший диктатор Никарагуа жил, как крыса, и умер, как собака». Репортаж дополняется фотографиями диктатора от учебы в Вест-Пойнте до гибели во взорванном «Мерседесе». Последняя карикатура на Сомосу была названа «Гашеная марка»; на ней диктатор изображен в виде проштемпелеванной почтовой марки [17]. Такой интерес к истории никарагуанского диктатора в огромной степени продиктован тем, что он был свергнут в результате коммунистической революции, однако сами революционные события в карикатуре не отражены. Художники делали главный акцент на ничтожности и слабости тирана, на зависимости от США, бросивших его сразу после свержения.

ОБРАЗ ХОСЕ НАПОЛЕОНА ДУАРТЕ

В октябре 1979 г. произошел государственный переворот в Сальвадоре, в результате которого власть перешла сначала к левым, а затем к правоцентристам. Президентом хунты, то есть временного правительства, стал Хосе Наполеон Дуарте (1980—1989). «Крокодил» долгое время не обращал на эти события внимания, и лишь в январе 1982 г. появился памфлет «Наполеон у подножия вулкана» [18]. В памфлете говорится, что Дуарте был обнаружен американцами на «эмигрантской свалке в Гватемале» [18] и благодаря своим незаурядным качествам был признан пригодным для назначения президентом Сальвадора. В уста американских специалистов вкладываются следующие аргументы в пользу ставки на Дуарте: «Во-первых, вызубрил английский и говорит с американским акцентом. Во-вторых, хоть и католик, но доллары любит больше, чем Деву Марию. В-третьих, не боится крови — чужой, разумеется…» [18]. Дуарте предстает в образе альфонса, которого ровность волос на висках и вообще собственный внешний вид заботят больше, чем интересы страны. Он стал еще одним хрестоматийным латиноамериканским диктатором, которому власть досталась по причине беспринципности и безграничного обаяния, а не талантов государственного деятеля. Возможно, он оказался удобным кандидатом для распространения на него классических диктаторских шаблонов.

ОБРАЗ АЛЬФРЕДО СТРЕССНЕРА

Последней жертвой «крокодильских вил» стал президент Парагвая Альфредо Стресснер. Он являлся самым «долгоиграющим» латиноамериканским диктатором, находился у власти на протяжении 35 лет, с 1954 по 1989 гг. Несмотря на яркую антикоммунистическую направленность, режим Стресснера осуждался на страницах «Крокодила» нечасто. Более того, по карикатурам на Стресснера невозможно составить даже общего представления о его внешнем виде. На одной он предстает в образе остроносого мясника, предлагающего своим американским кураторам «жирный кусочек» парагвайских богатств [19], на другой — он уже сумасшедший зубастый старик (наиболее близкое к оригиналу изображение), вгрызающийся в человеческую кость [20], на третьей — плешивый обрюзгший мужчина средних лет, сидящий в кресле с табличкой *United States Monopoly* [21]. В статье о нем говорится, что Стресснер — выходец из баварских немцев (что с пропагандистской точки зрения должно ассоциировать его с фашизмом), «трудолюбив, как хорек» [20]. Характеристика его деятельности стандартна — антикоммунизм, чрезвычайное положение, несоблюдение прав человека, репрессии, «кладбищенская тишина» в стране. В конце вновь подчеркивается неизбежность возмездия: «Но рано или поздно «тихому дедушке» Альфредо придется держать ответ за каждую строчку своего чудовищного «послужного списка». *Хрупка тишина в Парагвае*» [20].

Подводя итоги, можно отметить, что советские карикатуристы имели отдаленное и довольно ограниченное представление о странах Латинской Америки, поэтому их образы однообразны и во многом вдохновлены работами периода идеологических кампаний 1930—1940-х годов (вплоть до

копирования сюжетов рисунков). Диктаторы изображались в виде смешных и нелепых персонажей, что может вызывать улыбку, но не пробудить ненависть к их злодеяниям. Мало внимания уделялось народным массам, которые изображались пассивными и инертными. Таким образом, национально-освободительная тематика постепенно подменялась принципом борьбы за мир и права человека, которые стали в исследуемый период основополагающими в международной политике СССР и создали трамплин для перехода к политике «нового политического мышления» в годы Перестройки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кофман А.Ф. Советский Союз в литературе Латинской Америки. *Латинская Америка*. 2011, № 3, сс. 61–73 [Kofman A.F. Sovetskiy Soyuz v literature Latinskoy Ameriki. [Soviet Union in Latin American Literature]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2011, N 3, pp. 61–73 (In Russ.).

2. Кофман А.Ф. Перестройка и постсоветская эпоха: взгляд из Латинской Америки. *Латинская Америка*. 2011. № 2, 3, 4. [Kofman A.F. Perestroyka i postsovetskaya yepoha: vzglyad iz Latinskoy Ameriki. [Perestroika and the post-Soviet era: a view from Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2011, N 2, 3, 4 (In Russ.).

3. Сизоненко А.И. Образ России в Латинской Америке. *Международная жизнь*. 2008, №6, сс.45–52. [Sizonenko A.I. Obraz Rossii v Latinskoy Amerike. [The image of Russia in Latin America]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2008, N 6, pp. 45–52 (In Russ.).

4. Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года. М., 1957. [Dokumenty soveshchanii predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii, sostoyavshikhsya v Moskve v noyabre 1957 goda. [Documents of meetings of representatives of the communist and workers' parties, held in Moscow in November 1957]. Moscow, 1957 (In Russ.).

5. Хунтократия. *Крокодил*. 1982, № 15. [Khuntokratiya. [Huntocracy]. *Krokodil*, Moscow, 1982, N 15 (In Russ.).

6. Самойлов Л. Обречены на вымирание. В “Красную книгу” не заносить! *Крокодил.* 1978. № 4. [Samoilov L. Obrecheny na vymiranie. V “Krasnuyu knigu” ne zanosit'! [Doomed to extinction. Do not enter into the “Red Data List”!]. *Krokodil,* Moscow, 1978, N 4 (In Russ.).

7. Ефимов Б. Благородное негодование. *Крокодил*. 1977, № 25. [Efimov B. Blagorodnoe negodovanie. [Noble indignation]. *Krokodil*, Moscow, 1977, N 25 (In Russ.).

8. Я твердо стою на ногах! *Крокодил*. 1979, № 4. [Ya tverdo stoyu na nogakh! [I stand on my feet!] *Krokodil,* Moscow, 1979, N 4 (In Russ.).

9. Рефрежье А. Чилийский цикл. *Крокодил*. 1979, № 16. [Refrezh'e A. Chiliiskii tsikl. [Chilean cycle]. *Krokodil,* Moscow, 1979, N 16 (In Russ.).

10. Лисогорский Н. Референдум по-чилийски. *Крокодил*. 1978, № 5. [Lisogorskii N. Referendum po-chiliiski. [Referendum in Chilean]. *Krokodil*. Moscow, 1978, N 5 (In Russ.).
11. Машкин В. Уголовная династия. *Крокодил*. 1978. № 34. [Mashkin V. Ugolovnaya dinastiya. [Criminal dynasty]. *Krokodil*. Moscow, 1978, N 34 (In Russ.).
12. Лисогорский Н. Вашингтон? Говорит Сомоса! Положение в Никарагуа устойчивое! *Крокодил*. 1978. № 32. [Lisogorskii N. Washington? Govorit Somosa! Polozhenie v Nikaragua ustoichivoe! [Washington? Says Somoza! The situation in Nicaragua is stable!] *Krokodil*. Moscow, 1978, N 32 (In Russ.).
13. Ефимов Б. Голос из бункера. *Крокодил*. 1979. № 2. [Efimov B. Golos iz bunkera. [Voice from the bunker]. *Krokodil.* Mocsow. 1979, N 2 (In Russ.).
14. Мочалов В. В посольстве США… *Крокодил*. 1979, № 16. [Mochalov V. V posol'stve SShA… [At the US Embassy...] *Krokodil*. Moscow, 1979, N 16 (In Russ.).
15. Ефимов Б. Не посоветуете ли, где найти надежное политическое убежище?.. *Крокодил*. 1979, № 28. [Efimov B. Ne posovetuete li, gde naiti nadezhnoe politicheskoe ubezhishche?.. [Would you advise where to find reliable political asylum?] *Krokodil*. Moscow, 1979, N 28 (In Russ.).
16. Вехи и «успехи». *Крокодил*. 1980, № 32. [Vekhi i «uspekhi». [Milestones and "successes"] *Krokodil*. Moscow, 1980, N 32 (In Russ.).
17. Гашеная марка. *Крокодил*. 1980. № 36. [Gashenaya marka. [Stamped mark]. *Krokodil.* Moscow, 1980, N 36 (In Russ.).
18. Баскаков Э. Наполеон у подножия вулкана. *Крокодил*. 1982, № 2. [Baskakov E. Napoleon u podnozhiya vulkana [Napoleon near volcano], *Krokodil*, Moscow, 1982, N 2 (In Russ.).
19. Вам, как всегда, пожирнее, босс? *Крокодил*. 1977, № 2. [Vam, kak vsegda, pozhirnee, boss? [Are you, as always, fatter, boss?] *Krokodil*. Moscow, 1977, N 2 (In Russ.).
20. Тихий дедушка Альфредо. *Крокодил*, 1977, № 31. [Tikhii dedushka Al'fredo. [Silent Grandpa Alfredo]. *Krokodil*, Moscow, 1977, N 31 (In Russ.).
21. Ефимов Б. Кресло кабинетное (парагвайская модель). *Крокодил*. 1978. № 2. [Efimov B. Kreslo kabinetnoe (paragvaiskaya model'). [Armchair room (Paraguayan model)]. *Krokodil*. Moscow, 1978, N 2 (In Russ.).

RuslanY.Chervyakov (tcherviakov.ruslan@yandex.ru)
1-year Master Student, History Faculty, Moscow State University
27, Lomonosovski prospect, Moscow, Russian Federation

Chronicle of "the Backyard". Latin America through the eyes of Soviet cold war cartoonists

Abstract. The article is devoted to the question of the perception of Latin America by Soviet cartoonists in the end of 1970s — mid 1980s. Following the order of power, artists realized a propaganda function, broadcasting ideological attitudes to the masses. On the pages of the most influential satirical publication of the USSR, the magazine *Crocodile*, published a large number of materials related to the events of international life, which reflected specific ideological attitudes. Cartoonists didn't interested in Latin America itself, but they managed to create a number of vivid and memorable images without national specificity. Images of dictators (A.Pinochet, A.Somoza, H.N.Duarte, A.Stroessner) reproduces stereotypes of the 1930s and 1950s associated with images of fascist criminals, which doesn't allow to make the image relevant. The caricature demonstrates a shift in ideological accents, a conversion from the propaganda of national liberation movements to the principles of stability and the striving for peace. Thus, there is a transformation of Soviet ideology from offensive to defensive.

Key words*:* Latin America, caricature, imagology, Crocodile magazine, satire.

DOI: 10.31857/S0044748X0008394-2
Received 12.12.2019.